

В комнате Тун Яня светился лишь торшер в углу. Слева от дивана, у самого окна, стоял письменный стол, а спальная зона была скрыта напротив — за декоративной ширмой. Не Чжэну нравилась такая планировка: даже при визите не приходилось сразу вторгаться в глубоко личное пространство хозяина.

Пройдя дальше, он разглядел освещенный пятачок. Прямо на полу перед диваном лежал раскрытый сценарий, рядом валялись две ручки, а на сиденье высилась стопка справочной литературы. Очевидно, Тун Янь только что занимался — причем устроившись прямо на ковре.

Не Чжэн наклонился и поднял сценарий. Страницы были испещрены мелкими пометками, сделанными черными чернилами. Похоже, парень весь день сидел взаперти не просто так, а действительно трудился. Недурно. Наконец-то понял, на что стоит тратить силы.

Вокруг царил такой кавардак, что некуда было ступить. Заметив, как Тун Янь бросился наводить порядок, Не Чжэн остановил его:

— Не нужно.

Он выдвинул стул из-за письменного стола и сел.

«Ладно, не нужно так не нужно».

Тун Янь отбросил книги, уселся на пол прямо напротив своего покровителя и, положив локти на согнутые колени, снизу вверх уставился на Не Чжэна в ожидании нагоняя.

Весь день он не лез к Не Чжэну на глаза, устроив себе своего рода передышку. На душе и так было паршиво, и Тун Янь резонно опасался, что сорвется и наговорит боссу лишнего. К тому же хотелось немного унять собственный неумный характер. Но надо же — только он затих, как покровитель явился сам. Ну и кто тут из них упрямится вопреки желаниям?

Не Чжэн, впрочем, оставался по-прежнему строг. Он протянул руку и включил настольную лампу. Полумрак комнаты мгновенно рассеялся у окна, где образовались два пересекающихся световых круга. В них, друг напротив друга, устроились двое: солидный зрелый мужчина на стуле и юноша на полу.

Глядя на то, как Не Чжэн откинулся на спинку кресла, положив руку на подлокотник с величественным видом наставника и впившись взглядом в исписанные страницы сценария, Тун Янь вдруг почувствовал себя нерадивым школьником, у которого строгий отец проверяет домашнее задание.

Он с досадой уткнулся подбородком в колени. Ублажать этого человека, конечно, входило в его обязанности, но сейчас на душе скребли кошки, и Тун Янь искренне не понимал: зачем Не Чжэн вообще притащил его к себе? Спать с ним не спит, зато придирается точь-в-точь как строгий папаша.

«Неужели этот господин увлекается какими-то извращенными ролевыми играми?»

«Блядь, ну и затейник. Как я сам-то до этого не додумался?»

Наконец Не Чжэн заговорил:

— Сцена первой встречи, впрочем, не совсем выдумка. В эпоху до объединения Цинь нравы были куда свободнее, и отношения между мужчинами и женщинами не отличались такой строгостью.

Тун Янь только сейчас сообразил, что тот имеет в виду его хаотичные пометки на полях. Ему досталась роль первой любви Ся Цзи — персонажа, которого режиссер Лю вместе со сценаристом высосали из пальца. В сцене знакомства юная Ся Цзи тайком сбегала с братом из города и встречала у реки его героя. Влюблялась с первого взгляда, а затем преследовала парня до тех пор, пока дело не заканчивалось тайным грехом. Хотя сценаристы и окрестили это «настоящей любовью», на вкус Тун Яня девица вела себя слишком уж напористо.

Надо же, стоило ему один раз проявить благопристойность, как всегда безупречный господин Не вдруг высказал противоположное мнение!

Не Чжэн продолжал все тем же бесстрастным, лекторским тоном:

— Ся Цзи родом из царства Чжэн. Местная молодежь отличалась невероятной романтичностью. В праздник Шансы юноши и девушки устраивали гулянья за городом, у воды. Если кто-то кому-то приглянулся, они читали стихи, дарили цветы... И близость под открытым небом прямо на траве была делом самым обычным. Девушки там отличались особым напором и страстью, так что завоевывать мужчин для них было в порядке вещей.

Тун Янь слегка приподнял голову, лишившись дара речи.

«И как у него только язык поворачивается говорить такое с каменным лицом? Так я и знал, что в глубине души тебе только и подавай волю да траву помягче».

Между тем господин Не, не выказав ни тени улыбки, веско добавил:

— Знаешь, насколько доходила эта романтика? Даже чжэнские послы на дипломатических приемах зачитывали иностранным посланникам любовные стихи, ведя тонкую игру. Смысл был примерно такой: «Коль любишь меня, подними подол да перейди реку мне навстречу. А коли не придешь, я найду другого — эх ты, глупый мальчишка».

Тун Янь едва сдержал смехок. Услышать из уст этого сурового человека столь кокетливые слова, да еще и про «глупого мальчишку» — это было нечто.

— И как? — спросил он, отбросив серьезность. — Те, вторые, не обалдели от такого напора?

Не Чжэн слегка приподнял веки, его взгляд оставался спокойным и чистым:

— Вторые ответили: «Ты даришь мне айву, а я тебе взамен — драгоценный нефрит. И это не плата за подарок, а знак того, что я хочу быть с тобой навек».

— Ха-ха-ха! — Тун Янь покотился со смеху. — И что, оба были мужиками?

Надо же, его грозный босс умеет так забавно травить байки!

Рассказив историю, господин Не захлопнул сценарий.

— Мужчины, — подтвердил он.

Что ж, беседа разрядила обстановку. Не Чжэн опасался, что его давешние резкие слова задели юношу, но расспрашивать напрямую было бы неловко для обоих. Теперь же, видя, как весело хохочет Тун Янь, он понял, что гроза миновала.

Не Чжэн отложил сценарий в сторону, достал из нагрудного кармана несколько снимков и положил на стол.

— Твои промо-фотографии. Мне пора к себе.

Послушав исторические анекдоты, Тун Янь мгновенно воспрял духом. Его внутренний запал взлетел до небес. Заметив, что Не Чжэн собирается встать, он резко подался вперед и навалился грудью на колени мужчины.

— Господин Не...

Не Чжэн опешил и замер, но его взгляд мгновенно похолодел, опустившись до нулевой отметки.

Однако Тун Янь оказался куда напористее и смелее героини «Подними подол». Сверкнув темными, как ночь, глазами, он скользнул взглядом по лежащему на столе снимку, где был запечатлен в белоснежных одеждах, а затем преданно уставился на покровителя.

— Я хорошо здесь получился?

«Маленький чертяка».

Не Чжэн не стал отстраняться. Он вальяжно устроил вторую руку на подлокотнике, откинулся на спинку кресла и, сохраняя абсолютное хладнокровие, поймал этот горящий, призывный взгляд.

— Действительно, на редкость соблазнительно, — веско обронил он.

Глаза Тун Яня, разрез которых напоминал лепестки персика, засияли еще ярче, в них заплескалась неподдельная нежность.

— А сам я... красивый?

В неверном полумраке комнаты Не Чжэн увидел собственное отражение в этих темных зрачках. Он молчал несколько секунд.

А затем медленно, без тени спешки подался вперед и крепко перехватил пальцами подбородок юноши.

Сдавив пальцы, он почти грубо заставил парня поднять голову и неторопливо произнес:

— Предельно очарователен.

Подушечка его большого пальца принялась медленно, ласкающе поглаживать гладкую, бледную кожу щеки, словно Не Чжэн оценивал дорогую игрушку. Глядя прямо в эти влажные глаза, он тихо спросил:

— И что дальше?

От сильной хватки подбородок Тун Яня заныл. Заметив, что в глубине глаз мужчины закипает настоящая буря, он поспешно ухватился за его запястье, пытаясь разжать пальцы.

— Ладно, ладно... Я все понял.

«На этот раз обойдемся без продолжения, ладно? В следующий раз спрошу».

Не Чжэн наконец разжал пальцы.

Поскольку когда-то они договорились о правилах игры, следовало строго соблюдать баланс кнута и пряника. Не Чжэн поднялся и ледяным, лишенным каких-либо эмоций тоном произнес:

— Ступай к окну в гостиной.

Тун Янь торопливо перебил его:

— И выучить наизусть «Восемь добродетелей и восемь пороков». Уже бегу.

Каков подлец — уже научился угадывать приказы на лету.

Глядя вслед весело улепетывающему Тун Яню, Не Чжэн вдруг осознал забавную вещь: этот сорванец относился к наказаниям как к легкому развлечению. Накосячил — оттараторил пару пафосных фраз из «Восьми добродетелей и восьми пороков», а при удобном случае натворил

делов снова. Тот еще крепкий орешек.

Мысли Тун Яня были предельно просты: раз уж он теперь точно знал свои слабые стороны, следовало копить козыри и поднимать ставки.

С этого дня его жизнь превратилась в сущий ад. Днем он изнурял себя тренировками по сценическому движению и пластике, а по ночам до рези в глазах сидел над сценарием, стремясь досконально изучить роль до первого съемочного дня. Но главное — он снова включил режим идеального послушного мальчика, к поведению которого невозможно было придраться, когда он крутился перед Не Чжэном.

Проще говоря: в работе выкладывался на полную, но и своего «золотого покровителя» упускать не собирался.

От такого бешеного ритма даже у самого выносливого человека начали бы сдавать силы.

В субботу после обеда Не Чжэн, выкроив редкие свободные часы, переоделся в домашнее и устроился под навесом в саду, ухаживая за своими орхидеями. В паре метров от него Тун Янь поливал из шланга галечную дорожку во дворе.

Стоял май, дышавший ранним летним теплом. Тун Янь сегодня оделся просто, без намека на соблазнение: обычная футболка и бежевые шорты до колен, открывавшие стройные голени. Парень выглядел удивительно свежо и гармонично.

Когда юноша поинтересовался, чем он занят, Не Чжэн ответил на удивление мягко:

— В последнее время часто льет. Нужно убереечь цветы от белой шелковистой гнили.

Шум воды из шланга начал стихать, пока совсем не прекратился. Тун Янь тут же крикнул в сторону ограды:

— Дядюшка, в чем дело?

Из домика у забора, где жил садовник, донесся ответ:

— Перекрыл вентиль ненадолго! Отдохни пока, парень!

— Ладно! — весело отозвался Тун Янь.

Не Чжэн сидел на корточках. Закончив с очередным горшком, он оглянулся и невольно улыбнулся: Тун Янь топтался на месте, жадно поглядывая в его сторону. Ему явно хотелось подойти, но он не решался ступить на землю, засаженную редкими цветами. Чистой воды лисенок, который видит сочный виноград, да дотянуться не может.

И то правда: сад ломился от капризной зелени. Даже самому Не Чжэну приходилось ступать с осторожностью, куда уж неопытному мальчишке знать, где безопасная тропинка.

Впрочем, парень быстро сориентировался. Когда Не Чжэн снова поднял на него глаза, Тун Янь уже устроился на декоративном валуне у газона и завороченно, не мигая, наблюдал за его движениями.

— Господин Не, а это что за сорт?

— Цицзянь баймо. Орхидея «Белые чернила».

С этими словами Не Чжэн принялся аккуратно рыхлить землю в следующем горшке. Со стороны юноши больше не донеслось ни звука.

Минут через пять тишину нарушил удивленный голос секретаря Юань:

— Ты чего здесь улегся? Замерзнешь ведь!

Не Чжэн обернулся. Тун Янь действительно спал, свернувшись калачиком на холодном камне и уткнувшись лицом в колени. Резкий окрик женщины его даже не растревожил.

Секретарь осторожно потрясла его за плечо:

— Просыпайся, камни ледяные. Иди в дом, не хватало еще простудиться перед съемками.

Не Чжэн стянул резиновые перчатки, поднялся и, упершись рукой в бок, со странным чувством посмотрел на зашевелившегося парня. Перестал бы Тун Янь растрачивать силы на глупые попытки соблазнить своего покровителя, у него оставалось бы уйма времени на здоровый сон. Этот мальчишка ведь по-настоящему умел трудиться — упорнее и злее большинства своих сверстников. Но почему он с таким остервенением продолжал ломиться в эту запертую дверь, выбирая обходные, скользкие пути?

Месяц пролетел незаметно. Настал день, когда режиссер Лю объявил о начале съемок.

Историческую картину невозможно было целиком снять в черте мегаполиса, поэтому первые недели группа планировала провести в павильонах, работая на хромакее.

Тун Янь вложил в подготовку столько сил, сколько никогда прежде от себя не ожидал. И чем тяжелее давался труд, тем сильнее разгорались амбиции. На церемонию запуска проекта он шел, полный радужных надежд и великих планов. Однако реальность оказалась прозаичной: бесконечная суeta, горы организационных мелочей... На фоне именитых исполнителей главных ролей Тун Янь выглядел лишь блеклой массовкой. К тому же настроение знатно подпортило присутствие в касте этого невыносимого Белого цветка.

Впрочем, опускаться до разборок с соперником Тун Янь не стал. Единственной радостью для него стало знакомство с исполнителем главной роли — прославленным актером Лин Цинхуа, которого он втайне считал своим кумиром.

Соблюдая профессиональный этикет, Тун Янь не выказал излишнего восторга. Когда мэтр подошел поприветствовать новичков, он лишь вежливо поклонился:

— Учитель Лин.

Тот задержал на нем взгляд чуть дольше обычного:

— А ты у нас?..

— Это Тун Янь, подопечный компании «Юньсин», — услужливо вклинился режиссер Лю.

— Кого играешь? — поинтересовался Лин Цинхуа.

— Цунцяна, — ответил юноша.

— Что ж, парень видный, энергии тебе не занимать. Старайся, — мягко напутствовал Лин Цинхуа и сразу же переключил внимание на следующего актера.

На церемонии в гриме была только главная героиня. После памятного группового фото все, у кого сегодня стояли смены в графике, направились в павильоны.

Сегодня Тун Яню предстояло сыграть парную сцену с главной героиней. Облачившись в тяжелые исторические одежды и завершив создание образа, он вышел на площадку. Хромакей вовсю светился зеленым — шла съемка другого эпизода, и Тун Янь пристроился у края декораций, внимательно наблюдая за процессом и ожидая своего выхода.

Лин Цинхуа и прима работали слаженно, дубль за дублем ложились в копилку без задержек. Пока рабочие переставляли свет, режиссер Лю подозвал Тун Яня, чтобы отрепетировать мизансцену и траекторию движения в кадре.

Будучи новичком, он ловил каждое слово режиссера. Однако, несмотря на предельную концентрацию, Тун Яня не покидало липкое ощущение чужого, пристального взгляда.

Как только режиссер закончил объяснять нюансы, Тун Янь резко обернулся. Неподалеку на стуле сидел Лин Цинхуа и буравил его глазами. Стоило их взглядам пересечься, как на лице кинозвезды мгновенно расплылась его фирменная, приторная улыбка.

Внутри шевельнулось недоброе предчувствие. Объявили перерыв, и площадка затихла — все разошлись обедать. Худшие опасения подтвердились спустя полчаса. Когда Тун Янь вернулся

после перекуса, режиссер Лю с крайне озабоченным видом перехватил его у входа и, указав на костюмера, торопливо произнес:

— А Хэ, проводи Сяо Туна в гардеробную. Надо сменить наряд.

Тун Янь недоуменно взглянул на широкие рукава своего белоснежного одеяния:

— Но разве сегодня по сценарию я не в этом образе?

— Видишь ли... мы подумали, что этот стиль не совсем подходит твоему герою. Нужно кое-что переиграть, — Лю всучил парню эскиз нового костюма и едва заметно косяком указал глазами в сторону примерки Лин Цинхуа.

Взглянув на рисунок, Тун Янь едва сдержал стон. Ему предлагали натянуть нечто серое, бесформенное, превращающее его безупречную фигуру в подобие мешка с песком. Все стало предельно ясно. Его наряд и близко не стоял по роскоши с облачением главного героя, но кое-кто все равно панически боялся остаться в тени смазливового новичка. И раз уж за спиной парня не маячил влиятельный агент, на него решили бесцеремонно надавить.

Сглотнуть обиду или пойти на рожон?

«Да какая разница, решать все равно не мне».

Тун Янь склонился к самому уху режиссера и тихо спросил:

— Господин режиссер, давайте на чистоту: после смены костюма вы начнете резать мои сцены?

Лю отвел взгляд и невнятно пробормотал:

— Ну... тут уж как пойдет.

«Все с вами ясно».

Тун Янь хладнокровно достал мобильный телефон.

— Это касается не только меня, но и репутации компании. Подождите пару минут, я свяжусь с директором Чжэном.

Режиссер Лю тут же замахал руками и запричитал на весь павильон — так, чтобы его стенания гарантированно долетели до ушей Лин Цинхуа:

— Ой, ну зачем же из-за таких пустяков беспокоить самого господина Хе!..

«Какого хрена?!» — мысленно выругался Тун Янь.

Его чуть не разобрал смех от такой наглости. Он же ясно сказал: «директор Чжэн». Режиссер просто искал способ не ссориться со звездой и в то же время не прогибаться под чужие капризы, вот и решил разыграть козырную карту с именем Не Чжэна.

Парень упрямо продолжил набирать номер. В полупустом съемочном павильоне повисла тяжелая тишина. Наконец Лин Цинхуа не выдержал и картинно вздохнул, процедив сквозь зубы:

— Нынешняя молодежь совершенно не хочет трудиться. Забывают, что репутацию зарабатывают годами, а земля-то круглая — нам еще не раз придется работать вместе. На одних грязных уловках далеко не уедешь.

В трубке шли длинные гудки. Никто не отвечал.

Тун Янь опустил телефон и дерзко усмехнулся:

— Что ж, буду честен с вами, учитель Лин. Мой босс лично утвердил этот образ и остался весьма доволен. Все шаги артиста строго координируются руководством. И если мне внезапно предлагают превратиться в пугало, как мне поступить? Может, вместо звонка в агентство мне стоит просить совета у вас?

Лин Цинхуа явно не ожидал от какого-то сопляка столь жесткого отпора и на мгновение лишился дара речи. Зато его верный помощник тут же твякнул из-за плеча патрона:

— Ишь какой смелый! Впервые вижу, чтобы постельной протекцией хвастались с такой гордостью.

«Да я хоть на площади об этом орать буду, тебе-то что?!» — кровь бросилась Тун Яню в голову, но он колоссальным усилием воли удержал язык за зубами.

Скользкий, как угорь, режиссер Лю поспешил разнять спорщиков, но его заискивающий тон лишь укрепил слухи о высоком покровительстве парня:

— Ну-ну, господа, полно вам. Если слухи дойдут до господина Не, мне первому не поздоровится. Цинхуа, послушай, может, и впрямь оставим все как есть? Да, костюм не совсем историчен, но ведь искусство имеет право на условности, верно?

Лин Цинхуа высокомерно промолчал, его подпевала тоже прикусил язык.

Но в этот самый момент, словно чертик из табакерки, из угла выплыл Белый цветок. Нацепив маску оскорбленной добродетели, он негромко, но отчетливо произнес:

— Режиссер Лю, господин Не — глубоко порядочный человек. Он никогда бы не стал потворствовать подобному.

Тун Янь едва не задохнулся от ярости. Ну не идиот ли? Они ведь работают в одном агентстве, а этот святоша решил закопать коллегу прямо на глазах у конкурентов!

Офис Не Чжэна

Спустя полчаса.

Директор Чжэн только что положил трубку после разговора с режиссером Лю, который, разумеется, преподнес историю в весьма выгодном для себя свете.

Поведав боссу услышанное, Чжэн весело расхохотался:

— Твой домашний зверек — парень с зубами! Так лихо прикрылся твоим именем, что у Лин Цинхуа слова застряли в горле. И ведь отстоял свое! Наш великий Мин Сюань в свои лучшие годы не умел так изящно щелкать соперников по носу.

Выслушав доклад, Не Чжэн холодно процедил:

— И ты считаешь этот балаган забавным?

Директор Чжэн мгновенно капитулировал:

— Ладно, ладно, виноват. Мальчишка остался один на площадке без защиты, его начали клевать, и мне следовало вмешаться. Признаю упущение. Но я ведь физически не мог ответить — сидел на важном совещании!

Не Чжэн бросил быстрый взгляд на часы. Выдавшаяся свободной вторая половина дня пришлась как нельзя кстати. Он смахнул документы в ящик стола и резко поднялся:

— Идем.

— Куда? — опешил Чжэн.

— Подтверждать его статус фаворита.

<http://bllate.org/book/18307/1755438>